

Мы продолжаем публиковать выдержки из дневника уроженца района, участника Великой Отечественной войны Шамиля Калимулловича Байметова. В своих записках он подробно рассказывал об отдельных эпизодах из фронтовых будней, отдавая должное мужеству простых солдат, не щадивших себя во имя победы над ненавистным врагом.

Это было под

Ригой

Немцы отрезали нам обратный путь, по которому мы вошли в глухой лесной массив. Мы оказались в окружении без какой-либо связи. Это происходило под Ригой. Город был так близко, что мы видели заградительные аэростаты, парившие высоко в воздухе. С нами было пять или шесть танков, несколько рот пехоты. Мы заняли круговую оборону. Немцы начали обстреливать нас из минометов и пушек. Были потери. Однако не очень большие. Наша авиация начала бомбить город, и немцам стало не до нас.

Нам удалось вырваться из окружения. Все происходило ночью. Нас подняли на ноги, предупредили всех солдат, чтобы имели полные обоймы патронов, гранаты и двигались без шума, готовые принять бой при встрече с немцами. Впереди колонны шли танки. Из окружения вышли благополучно. К обеду мы вышли достаточно далеко от места окружения и расположились на поляне. По пути мы увидели с левой стороны в балке танки, накрытые маскировочным материалом. Все солдаты, офицеры, вся техника расположилась на краю поляны, где находилась избушка лесника. Кругом стояла глухая тишина, как будто и нет войны. Неожиданно откуда-то появился немецкий танк и начал нас обстреливать. Мы несли потери. Был убит подполковник Хомяков – зам. командира полка. Он был в доме лесника, а около дома стояла его машина с шофером. Увидев немецкий танк, он сразу же вышел из дома и побежал к нам на опушку. Взял ПТР и начал стрелять по танку. Видимо, немцы заметили его, и в свою очередь выстрелили. Потом мы нашли лишь его обмундирование, которое клочками висело на ветках деревьев.

Немецкий танк продолжал бить прямой наводкой. В это время наши танки были далеко впереди. Двое офицеров побежали за ними, но вскоре вернулись ни с чем. Танкисты сказали, что их снаряды не пробивают броню немецких «Тигров». Побежали за танками во второй раз. Дорога, идущая через лес, обстреливалась сильным артогнем. Нашему танку невозможно было пройти там. Но выход нашли. Нас, солдат, с пилами, топорами быстро отправили расчищать лес, готовя просеку для нашего танка. Он подошел к нам на опушку и выстрелил. «Тигр» замолчал, но его мотор продолжал работать. Тогда наш танк выстрелил еще раз, после чего «Тигр» загорелся. Немцы начали выбираться через люк, но их уничтожали автоматчики из нашей пехоты, которые тоже оказались на этой поляне. Когда танк полностью сгорел, мы заглянули внутрь, там не оказалось ни одного снаряда, немцы все расстреляли.

«Это праздник со

слезами на глазах»

День Победы мы встретили на территории Литвы. Восьмого мая ночью моросил мелкий, холодный дождь. Наша автоколонна с боевой техникой, снявшись с одной огневой позиции, двигалась на другую. Мы ехали в закрытых «студебеккерах». Настроение было пасмурное, под стать погоде. Впереди были заметны проблески ракет и трассирующих пуль. Значит, где-то впереди шел бой. Между тем стало немного светлее, чувствовалось приближение утра. Мимо нас проехали какие-то легковые машины, и вот колонна встала. В чем дело? Мы стояли на асфальтированной дороге, это не место для огневой позиции. Нет никаких команд. Смотрим, на других машинах, находящихся впереди, солдаты начали стрелять в воздух и что-то кричать. И тут до нас донеслось долгожданное: «Победа!» Мы быстро выпрыгнули из машины на дорогу. На радостях начали обниматься не только с сослуживцами, но и с незнакомыми людьми, по лицам текли слезы. Откуда-то появился аккордеон, громко зазвучала плясовая музыка. Мы, солдаты и младшие офицеры, плясали прямо на асфальте, только стучали подошвы наших кирзовых сапог. «Товарищи бойцы, поздравляю с Победой!» - по-моему, это кричал наш начальник штаба, ленинградец Александр Шевцов. Мы тоже поздравляли друг друга с победой, к которой советский народ шел без малого четыре года.

Так мы встретили День Победы, мы находились в сотнях километров от города Либавы. Из Либавы на одной из машин наши тыловики привезли нам трофейные продукты. Затем на огромной поляне мы устроили свой военный лагерь. Устроились в нормальных палатках, появились матрацы, одеяла, подушки. Началась обычная военная служба по расписанию.

В конце июля мы погрузились в товарный эшелон и поехали в обратную сторону – на Восток.

Впереди была

Маньчжурия

Никто не знал, куда мы едем, даже офицеры не говорили о конечном пункте назначения. Движение наших войск на Восток держали в секрете. Когда подъехали к Уралу, стали догадываться, что нас перебрасывают на войну с Японией. Подъехали к озеру Байкал. Где-то на полустанке наш эшелон остановился. Мы вышли из вагонов, подошли к берегу. Озеро огромное, до другого берега глаз не достает. Над Байкалом стоял туман, но мы разглядели, что вода очень чистая, как колодезная. Пили ее вволю, мыли руки, лица, брызгали друг в друга. Погода стояла солнечная.

После Читы наша дорога повернула на юг. Вот и граница. Стоят высокие наблюдательные вышки. А дальше железная дорога, на рельсах которой выведено: «КВЖД», то есть «Китайская восточная железная дорога». С боями вошли в город Хайлар. Так нам довелось побывать на огневых позициях Квантунской армии. Все позиции были закопаны, спрятаны в бетонные ячейки. Только стволы пушек торчали. Были зарыты и танки, дзоты и блиндажи, все под толстым слоем бетона. Через эти позиции уже прошли наши танки и наши солдаты. Все в воронках. И на земле мертвые самураи, их даже не успели забрать отходившие части японцев. У некоторых были открыты уже остекленевшие глаза. К горизонту тянулись хребты, внутри которых находились пещеры. В одной из них мы побывали. Длинный коридор, который кажется бесконечным. Пол бетонный, хорошо побеленные стены, всюду проведено электричество. По обе стороны коридора открываются двери в хорошо отделанные комнаты: спальни, кухня, столовая, оружейная, комнаты для одежды и обуви, для продуктов. Сверху эти хребты покрыты бурьяном и травой, пройдешь и не догадаешься, что под тобой сооружения. Двигаться дальше по коридору было опасно – впереди полная тьма.

После взятия Хайлара у нас еще раз появилась возможность побывать на позициях Квантунской армии. На одной из равнин увидели четырехугольные бетонные углубления

в форме колодцев. Несколько солдат спустились по скобам вниз. Достали веревку, стали на ней вытаскивать найденные продукты: мед в упаковках в форме ведра, консервы, галеты в мешках, колбасу в ящиках. Как потом рассказали нам солдаты, спускавшиеся за продуктами, внизу находились огромные залы с побеленными стенами, бетонированными настилами, битком набитые разными хозяйственными товарами, продуктами, вооружением. Это были огромные склады. Мы доставили в свою часть целую машину с товарами и продуктами.

Ночи иногда проводили в казармах японцев, которые сильно отличались от наших казарм.

После освобождения Харбина мы двинулись дальше. Японцы уже не оказывали сильного сопротивления. 2 сентября был подписан пакт о капитуляции Японии.

Домой!

В сентябре 1945 года мы оказались в Хабаровском крае. Началась мирная жизнь. Затем нам объявили о демобилизации, в первую очередь демобилизовали воинов, имеющих три ранения, шахтеров и учителей. Я до войны несколько месяцев работал учителем. Написал письмо директору школы Еналееву. И в один из дней в казарму пришел почтальон: «Кто Байметов?» Я вышел вперед. «Пляши!» Сплясал, как мог, в письме находились мои документы, отнес их в штаб полка. Писарем там был хорошо мне знакомый старший сержант Харитонов, он поздравил меня с демобилизацией, пожелал успешно вернуться домой. В первой декаде января 1946 года я был уже дома. Все родные были живы, кроме брата Касима, который в 1944 году трагически погиб на разъезде Елховка. Через пару месяцев я начал работать учителем начальных классов. В 1950 году поступил в институт, а с 1952 года по 1966 работал директором школы. Но это уже иная история.